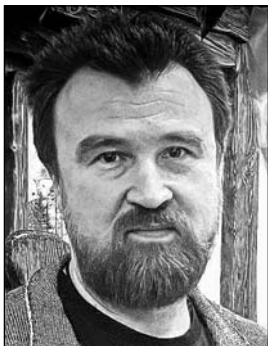

Алексей Шорохов

Алексей Алексеевич Шорохов родился в 1973 году в Орле. Окончил Орловский педагогический университет, Литературный институт им. А.М. Горького и аспирантуру при нем. Поэт, прозаик, публицист. Публиковался в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Подъём», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. изданиях. Автор четырёх поэтических книг. Лауреат премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и др. литературных наград. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки». Работал военкором в Донбассе, воевал добровольцем в отряде спецназа «Вихрь». Секретарь Союза писателей России.

ЖИРАФ

Рассказ

*Светлой памяти Володи Браги,
позывной «Скиф»*

Его привезли на Кинбурнскую косу перед самой войной. До него в маленьком импровизированном зоопарке Кинбурнского лесничества, что построили на краю леса, между Васильевкой и Покровским, жили только местные звери и птицы: фазаны, косули, волчок, семейство кабанов... Из экзотики были только павлины и верблюды. Позже добавилась пума. И вдруг — жираф.

Дикарей-палаточников эти хвостатые и клыкастые достопримечательности не интересовали, они жили на побережье и со зверьем крупнее и страшнее комаров сталкивались редко. А вот для экскурсий из Очакова, приплывавших на катере, зоопарк стал изюминкой Косы. А изюминкой изюминки — жираф. Он и вправду был удивительный: высокий, задумчивый, когда шел по вольтеру — из-за забора казалось будто он плыл. Слово коричневый парус с накинутой на него сеткой оснастки колыхало обессилевшим сухим жарким ветром, невесть как добравшимся сюда из саванны. А ресницы! А удивительные «женские» глаза за этими длинными ресницами! Всегда немного грустные, откуда-то из своего заоблачного далека смотрящие вниз, на тебя. Не помню, кто сказал:

«Бог точно есть, иначе откуда бы среди гиен, обезьян и крокодилов появился жираф?» Такое признание в любви к Творцу дорогого стоит.

Летом двадцать второго года боевые действия на бывшей Украине докатились и до Кинбурнской косы — она нависала над Очаковым и Николаевым, к тому же запирала устье Днепра и была стратегически очень важна для российской армии. Защищать Косу отправили отряд специального назначения «Вихрь» с казачьими добровольческими частями из бригады «Дон» и Росгвардией. Это удалось без ожесточенных боестолкновений и потерь за исключением нескольких подрывов на минах. Понимая, что без сухопутного коридора Косу не удержат, хохол не упирался и остатки своих подразделений эвакуировал на украинский берег Днепровского лимана. А вот дальше началась позиционная война с безжалостной артой, зажигательными снарядами и вездесущими дронами. И первое, что нацисты сделали, когда наши закрепились и окопались на Косе, — размолотили артой зоопарк в Кинбурнском лесничестве, а затем осенью двадцать второго по принципу «так не доставайся же ты никому» зажигалками запалили еще и леса в своем бывшем «біосферним заповіднику». Русским бойцам этим они особо не навредили, а вот обезумевшие табуны одичавших лошадей и коров, носившиеся ночами на фоне пылающих лесных массивов, запомнились тогда всем — и солдатам, и местным жителям — надолго! К одному из таких табунов и пристал жираф. Как он перезимовал — бог его знает; зимы здесь, на самом юге Новороссии, теплые, снег если и выпадает, то ненадолго. Травы вдоволь, но все равно — не Африка. Однако перезимовал. Может, возле горячих сернистых озер отогревался, их на Косе хватает. По весне среди загоравшихся потихоньку алым пламенем маков бойцы его еще видели пару раз, все так же скакавшего с дикими лошадьми, возвышаясь над табуном как сигнальная вышка с наброшенной на нее светло-коричневой маскировочной сетью. А потом исчез...

Лиля приехала в отряд из Москвы. На должность санинструктора. Ей было уже за тридцать, но комфортная столичная жизнь не спешила избавить ее от иллюзий. Она считала себя православной, верила в героизм и приехала спасать бойцов, раненых на поле боя. Может быть (и даже наверняка), были и другие мотивы (Лиля была не замужем), но в них она не признавалась даже сама себе. Верующая она была по-новомосковски, то есть с комфортом. Это когда в воскресенье из чистенького храма выходят чистенькие прихожанки в необыкновенном душевном волнении, близком к эйфории, после сладкозвучной проповеди молодого батюшки, выпускника духовной академии, проповеди, обильной цитатами из святых отцов, а также яркими риторическими фигурами и образами. Выходят с переполняющим душу чувством чего-нибудь совершить. Об этом чувстве лучше всех осведомлены профессиональные нищие, потому что именно в такие моменты они стараются караулить поблизости, не приставая, не кланча, а в смиренной покинутости и безгласности пребывая в ожидании чуда и благодати. Чудеса, как правило, в этот час на них обильно низвергаются в виде нерядовых пожертвований и милостыни. Благодати экзальтированным прихожанкам еще порой хватает и на домашних, но к вечеру это проходит. И если не в ту же ночь, то уже точно со следующего утра начинается заполняться новыми грехами манускрипт, исписанный убористым женским почерком для следующей исповеди.

В таком благодушествовании и благорастворении воздухов нет, навер-

ное, ничего плохого. Кроме одного: войны. Которая всегда идет по пятам такого благодушествования. И Лиля, попав на нее, поначалу выглядела диковинным животным. Длинные загнутые кверху ресницы и нескладная высокая фигура определили позывной нового санинструктора. Так на Кинбурнской косе по весне появился еще один «жираф».

Честно говоря, в ее медицинских талантах наш начмед усомнился довольно быстро, и будь его воля — распростился бы с Лилей уже через несколько недель ее пребывания на передовой. Сам он тоже, кстати, был москвичом, но в Донбассе гуманитарил с четырнадцатого года, и после нескольких месяцев «скорой помощи» в Горловке, после детей, заваленных украинскими снарядами в подвалах, и окровавленной ежедневности той восьмилетней войны необязательная московская жизнь с широко распахнутыми глазами и восторгами его коробила. А именно такой и с таким настроением Лиля приехала на фронт. И именно такой: доверчивой и нескладной — она зашла к командиру. Не просто в комнату — в душу.

Командир добровольческого отряда с позывным «Седой» был уже немолод: предыдущие войны его не обошли, и некогда черные его южно-русские волосы превратились в позывной. Потому что стали седыми. После Ливии. Именно там ему пришлось столкнуться с нынешним врагом. Он, конечно, слышал еще в Чечне, что бандерлоги воевали на стороне дудаевцев, что в Южной Осетии тоже отметились в рядах саакашистов, даже в Сирии у вагнеров что-такое про хохлов, воюющих на стороне бармалеев, рассказывали. Но только в Ливии, помогая войскам Хафтара в наступлении на Триполи, Седой сошелся с хохлами нос к носу. Даже удивительно, что во всех этих войнах, таких разных — где с джихадом, где с гей-парадом, где и с тем, и с другим сразу, — хохлы никогда не воевали «за», они всегда и неизменно воевали «против» — против русских. Готовились.

...Это случилось уже после того, как турки вмешались в ливийскую войну на стороне ПНС (правительство национального согласия. — А.Ш.). Группа «музыкантов», которой руководил Седой, охраняла один из «Панцирей», что прислала Хафтару объединенные арабы из ОАЭ. Дежуривший на краю международного аэропорта в Триполи «Панцирь» с нашим экипажем попал под удар турецкого «Байрактара». Комплекс стоял в ангаре пустой, отстреляв все, что можно, по чужому жаркому небу. Там его и накрыло.

Добывать русских в аэропорту вместе с привезенными из идлибского гадюшника бородатыми отправили украинских наемников, их что-то около роты было у Эрдогана. Также из Сирии. Американцы поделались, «чи сами набрали» по интернету — неизвестно. Известно только, что перебрасывали их также украинские частники на военно-транспортных Ил-76. Ну, как частники, под прикрытием «Головного управління розвідки України», разумеется. Первый накат бармалеев вагнера отбили, а вот потом... Потом очень грамотно по ним стали работать агээсом и стодвадцатыми. Не накидывали, как у бородатых принято, по площадям, а именно разбирали бетон, методично и страшно. И зажали группу за взлеткой. «Панцирь» чадит, ангары складываются — не сразу, но пролет за пролетом. В группе уже трехсотые, пэвэошников двухсотых бросать тоже нельзя, вагнера не бросают. И в эфире с той стороны уже не «аллах акбар», а русский мат вперемишку с заполошной мовой.

Седой думал, что все. И не он один. Но ливийцы — не оставили, спасибо им. Вылетел на взлетку Т-55 с ливийским экипажем, отработал по хохлам, по батарее stodвадцатых, вагнера тогда уже ее срисовали, координаты скинули. Недолго работал танчик, запурили его вскоре. Но группа выйти успела и трехсотых с двухсотыми вынесла. После боя, отряхиваясь от побелки и бетонной пыли, ребята заметили, что голова у группника не отряхивается: так он и стал Седым.

Позиции на Косе возле Геройского были хорошие: во-первых, потому что там перед добровольцами уже стояли морпехи, во-вторых, потому что лес был почти не тронут прошлогодними пожарами и артой. Блиндажи и НП (наблюдательные пункты), конечно, подновили, настилы перестелили, бревен добавили, осыпавшийся песок подровняли, пленочкой по потолку прошлись, чтобы сверху не сыпалось и не лилось, стены доски обшили, чтобы не осыпалось, — и живи — не хочу.

Песок для укрепов (если есть лес) очень хорош: копается легко, воду впитывает идеально, поэтому в траншеях — никаких луж даже в сезон дождей, осколки и пули держит лучше чернозема. Есть только один минус: когда живешь и обороняешься в песке, смиришься с тем, что это обязательная приправа для всех блюд, которые готовятся. Съесть приготовленное с хрустом на Косе отнюдь не метафора. То, что песок у тебя сыплется отовсюду, — тоже не метафора. И не только из автомата (как ты его не береги, даже специально пошитые брезентовые колпачки или резиновые изделия, приспособленные на дуло, не спасают ствол от песка). Песок сыплется из тебя самого (вне зависимости от возраста), причем из таких мест, про которые никогда б не подумал. Например, из ушей.

Позиции отряда были не на побережье, не в прямой видимости неприятеля, поэтому хохол, когда накидывал 155-мм снарядами, работал в основном по старым координатам, а то и просто по площадям.

Птички, конечно, по головам ходили, но в основном ночью, причем в обе стороны: их «Фурии» оттуда, наши «Герани» (в войсках их прозвали «мопеды») — туда. Но пока хохлу не подвезли сотни FPV-дронов, вреда от птичек было немного. Не отсвечивай, чтобы по тебе не навели арту, — и порядок.

Когда обжились и окопались как следует, выяснилось, что помимо текущих (караулы, дрова, кашеварство) у бойцов оказалось много времени, а совершенствовать стрелковые навыки негде — полигон далеко. Поэтому, помимо тактических занятий, негласно разрешили охоту. Не для всех, конечно, и с пониманием, куда, как и сколько можно стрелять. То есть только одиночными и только сверху вниз, гарантированно в землю. Чтобы дальше пуля не полетела отыскивать себе незапланированную цель. С соседями договорились, что одиночные — это не прорыв укроповских ДРГ, а рабочий настроел, боевая подготовка, ну а если повезет — и долгожданное разнообразие на кухне. Казенная тушенка хороша, но — вы сами понимаете.

Дичи на Косе было достаточно: на озера садились гуси и утки, в лесу из-под ног порхали фазаны и выскакивали зайчики. Говорили еще про кабанов и косуль, но только говорили. Рыжие с хвостами тоже были нередки, но по летнему времени — линялые, да и, по-любому, мех бойцам был не надобен.

— Ориентир — купол храма в Геройском, — сказал Седой, когда они утром вышли из блиндажа. — Запомни.

Жижаф тепло и солнно поживалась на утреннем холодке: ночи в апреле были еще прохладные.

— Следи за печкой! — бросил командир караульному, стоявшему поодаль. Спасибо гуманитарщикам: присланные в отряд буржуйки здорово выручали бойцов в землянках.

— Ну что, пойдём?

Лиля кивнула.

— Ни пуха ни пера, командир! — улыбнулся караульный.

— Иди... Ну ты понял, куда! — также с улыбкой ответил ему Седой, и они с Лилей пошли, стараясь не наступать на палые сосновые ветки и шишки, не хрустеть. Соснячок, в котором окопался отряд, был молодой и чистый, сосенки метров пять-девять в высоту, не ахти какие разлапистые, но частые. Несмотря на то, что хохол уже и по весне отстреливал кассетные боеприпасы и пытался накидать зажигалок, сырая земля и недавние дожди не позволили заполыхать лесам по новой. В сосняке туман уже отступил, а в полях еще хранился.

— Значит, смотри и ищи глазами церковь, если что. Она справа от нас. Эх, ответви тебе тебя в Покровку — вот там церковь так церковь, ее сам Суворов построил.

— Да ладно, Паш!

— Вот тебе и ладно. Здесь была его первая победа. Почему коса называется Кинбурнская, знаешь? Потому что здесь была крепость Кинбурн, Суворов ее защищал от турок, когда отвоевывал эти земли для России. Ранен был, но победил. Турецкий десант в море сбросил. А в благодарности за победу построил церковь. Потом.

— Я знаю, он был верующий...

— Верующий, а не болтающий. Он делом верил, а не болтовней!

— Паш, не надо!

Он часто выговаривал ей за ее религиозные восторги, пытался объяснить разницу между действительной верой и прекраснотушной болтовней, но срывался и в результате обижал ее.

Седой сдержался, перевел опять на Суворова:

— Вот мы сейчас здесь стоим зачем? Чтобы тоже сбросить десант в море, если хохлы сунутся. Как двести пятьдесят лет назад!

— Но тогда-то были турки...

— Да пойми, девочка, враги-то все те же! Ведь и тогда у турок самые лучшие воины были янычары — это славянские мальчишки, которых отбирали у матерей и растили в ненависти к русским. Вот и у хохлов за эти тридцать лет воспитали целые корпуса и дивизии янычар. Против нас. Я с ними уже сталкивался и здесь, и в Ливии. Ведь и тогда за турками стояли Англия, Франция, и сейчас за хохлом те же хозяева стоят и лыбятся, смотрят, как мы друг друга убиваем...

— Паш, а как ты думаешь...

— Тихо, — оборвал Лилю Седой, — все, вышли на опушку, забирай метров десять вправо от меня — и к дороге! Пойдем вдоль нее — тут и фазан сидит, и зайчика поднять можно.

Не успели они пройти пятьдесят метров, как Седой остановился и, коротко вскинув свой «семьдесят четвертый», одиночным вдарил по столбику, видневшемуся вдалеке сквозь туман. Столбик подскочил вверх и пошел зигзагами параллельно дороге, вдаль от охотников. У Лили заблестели глаза, она подняла свой автомат и направила в сторону зайца. Они с Седым, тщательно осматривая все кочки и следы на песке, неторопливо пошли за косым.

— Не попал? — спросила Жиограф.

— Да пес его знает! — в сердцах ругнулся командир. — Видела, как крутанулся в воздухе? Пулька же маленькая, прошьет насквозь, так он со страху и не заметит, если жизненно важные органы не задеты. Вон Володя Скиф рассказывал, он на днях своего зайца с первого выстрела добыл, но пуля — вошла через шею, а вышла... Ну как у нас всегда все выходит — через ж... Скиф, говорит, еще полкилометра за косым по следу шел, пока из того вся кровь не вытекла. Так что будем искать...

Ходили они еще долго, но зайца не нашли.

— От инфаркта помирать убежал, — невесело пошутил Седой.

К одиннадцати начало припекать. Рация Седого молчала — то ли не добивала, то ли все, кому надо, знали, что он на охоте, и не дергали командира по пустякам. На этой войне вообще золотое правило: чем меньше фонишь, тем дольше живешь. Вот и не фонили. Между тем они ушли уже далеко от расположения, впереди угадывалось побережье.

— Выйдем к морю? — попросила Лиля. — А то я здесь уже третий месяц, а моря не видела.

— Не надо. Подходы к берегу заминированы, да и птички сразу же срисуют. Возвращаемся!

Вдруг до них донесся сладковатый, тошнотворный по мере приближения запах. На опушке леса неестественно красиво среди блеклых прошлогодних трав отливала коричневым бархатом, громоздилась раздувшаяся туша мертвой лошади. Гнедой. За ней метрах в тридцати — еще одна, белая.

— Подорвались на минах... — без сожаления, скорее, оценивающе сказал Седой. И добавил:

— Стой, где стоишь! Выходим так же, как заходили.

— Смотри! — Лиля, нетвердо опираясь на сосну, показывала почти себе под ноги. Метрах в семи от нее лежал, практически сливаясь с прошлогодней порыжевшей хвоей и песчаными прогалинами, жираф. Большой, нескладный. Вытянув куда-то в сторону моря свою исхудавшую за зиму шею. Запах, который заставил их остановиться, шел от него. Сам жираф или не успел еще раздуться, или был уже предусмотрительно прострелен, чтобы газы от гниения выходили, не скапливаясь. Люди над ним поработали, это точно: большая задняя нога с лаяжкой была отпилена.

— Кого-то потянуло на экзотику, жирафятинки захотелось ответить, — начал было Седой, но, оглянувшись, увидел, что Лилю рвет.

— Пойдем, пойдем отсюда, девочка, иди, не бойся, — заторопился командир. — Он не на минах подорвался, подстрелил его кто-то, мать их! Охотнички! Не наши, конечно, мобики, скорее всего.

Лиля, вытеревшись влажной салфеткой, как-то странно и долго посмотрела на Седого.

— Паша, у меня будет ребенок...

Возвращались молча. Уже недалеко от позиций Седой спросил:

— И что?

Его покорило, как именно она это сказала: «У меня будет ребенок». Не растерянное «я беременна» или «что делать?», не испуганное «я, кажется, залетела», а твердое и выверенное: будет! Он и шел все это время, потихоньку закипая. Лиля, напротив, до сегодняшнего разговора то не к месту восторженная, то чаще просто растерянная, — вдруг затвердела. Как будто что-то внутри нее выпрямилось.

— Что «что»? Буду рожать...

— А меня спросить не полагается? — повышая голос, прорычал Седой.

Жираф, в отличие от него, к этому разговору была готова, поэтому ответила не задумываясь:

— Паша, я тебя люблю, а от любви рождаются дети. От всего остального слипаются презервативы, а от любви — дети...

Пятидесятилетний командир не нашелся, что ответить.

— Пойми, я ни о чем тебя не прошу, я знаю, что у тебя в Крыму жена, дети уже большие, внучка... Просто я думаю, что это Божья воля... Я такая нескладная, и все у меня в жизни не складывалось до сих пор, а тут сложилось: и любовь, и ребенок...

Она шла и смотрела перед собой, не видя, будто всматривалась уже не в дорогу и приближающийся лесок, а в глубину себя, во что-то, что прорастало в ней сейчас сквозь миллионы лет и поколений. Она рассматривала это и даже не шла — плыла. «И впрямь жираф», — подумал Седой, взглянув на нее, удивляясь Лиле, которую хорошо, казалось, узнал за эти месяцы. И вдруг какой-то другой, незнакомой. Любимой.

Она и говорила-то сейчас, словно роняла листья по осени. Если б дерево еще могло провожать их взглядом, как Лиля провожала взглядом все уроненные ею слова...

Командир уже давно понял, что полюбил ее, но гнал от себя мысли «а что дальше?» Жираф не была для него обычной походной женой из санинструкторов.

Может, поначалу и думал, что будет так. Но именно нескладностью своей, угловатостью, беспомощностью зашла она ему в сердце крепко.

Он не сравнивал, но именно этим Лиля отличалась от его жены, у которой все в руках горело, дела и слова выходили сразу румяными и законченными, как пирожки из духовки. Одно слово — хозяйка. И тыл. Как и должно быть у офицера. А эта...

Седой понял, что это по-настоящему, только когда заметил за собой, что начал учить ее жизни, войне. Как маленькую... После этого неожиданно и сказал замполиту: «Ты не думай, у меня с ней все серьезно!» Тот только недоуменно брови вскинул — прошли те времена, когда замполиты следили за нравственностью бойцов и командиров да верностью идеалам. Уже давно не было ни нравственности, ни идеалов. А люди были, и с людьми нужно было — по-людски.

— Ладно, посмотрим! — сказал Седой, когда они подошли к НП, выдвинутому на опушку леса. — Иди, отдыхай!

Жираф упросила командира оставить ее до конца контракта. Она приехала в отряд в феврале, уже совсем недалеко маячил май, а вместе с ним и конец контракта.

Но увя. Именно в мае хохол начал трубить на весь мир о своем грандиозном контрастуге. Враг получил от Запада новую технику, пополнил личный состав старых и сформировал несколько новых корпусов для прорыва. И прощупывал нашу оборону в надежде, что где-нибудь она даст течь. Чтобы потом в эту течь бросить накопленные силы, разрывая передние позиции русской армии, взламывая прикрытые где бетоном, а где одним только мужеством линии наших укреплений.

Всерьез говорить о десанте на Косу для «великой морської держави», лишеной флота, было смешно, но на островах в Днепровском лимане зашевелились украинские ДРГ, количество обстрелов возросло и, что

хуже, полетели через море новые дроны-камикадзе с увеличенной дальностью. У добровольцев и их соседей, морпехов-североморцев, появились двухсотые и трехсотые.

А Седой так и не решил, что дальше? То, что Лилю нужно — и чем быстрее, тем лучше — отправлять в тыл, это понятно. А дальше-то, дальше что? Его после того разговора с любимой как нарочно чуть ли не каждый вечер вызывали в штаб группировки — ожидание укроповского контрнаступа придавало лихорадочности штабным директивам и меняющимся установкам. Добровольцев решили снять с насиженных позиций и перебросить на побережье, под Покровское. На их позиции заводици «Барсов»...

Ночью над позициями добровольцев прошли «Искандеры»: сначала три — один за другим, с промежутком в пять-десять секунд, — спустя еще секунд пятьдесят — четвертый, отставший. Хотя нет, не отставший, скорее, контрольный. На случай, если по первым трем удачно отработает ПВО. «Искандеры» шли низко, вдавливая все, что затаилось внизу, в землю. Спавшие в землянках проснулись, караульные вжались в сосны, под которыми ждали своей пересменки, курившие автоматически гасили сигареты, хотя увидеть огоньки с земли пролетавшее не могло. Тем более — как-то отреагировать, сбиться с курса.

Но страх был парализующий. Когда такое идет у тебя над головой. Шло неумолимо, железно.

Что творилось в Очакове, Николаеве или Одессе, куда ушли ракеты, лучше было даже не думать.

А утром на позиции отряда заходили «Барсы». Заходили красиво. Бессмысленно и беспощадно. На трех КамАЗах с людьми и БК. Плюс «патрики», плюс «буханки». Все это встал на опушке леса. Кто-то им сказал, что здесь курорт.

«Барсы» были одним из минобороновских отрядов, тоже добровольцы, только с вооружением, снарягой и БК получше — потому что ВС РФ.

Они хорошо дрались под Соледаром, на отдых и переформирование их вывели на Косу.

Но отдохнуть не получилось. Злые из-за ночной атаки «Искандеров», которые, как выяснилось, разнесли в Очакове центр подготовки спецназа вместе со штабом ССО, где совещались на тот момент не только чины ВСУ, но и несколько заезжих натовских кураторов в генеральских погонах, хохлы с утра гоняли над Косой стаи птичек, пытаются найти для своей арты цели пожирнее. А тут — непуганые (вернее, расслабленные) «Барсы».

На войне это самое страшное: вторая командировка в зону БД или когда выходишь с боевых. Ощущение, что все уже знаешь. Или что все уже кончилось. И хотя ничего-то, как показывает опыт, еще не знаешь и совсем ничего не кончилось, но человека трудно переделать. Он ищет отдых и уже не психологическую ямку, в которую можно забиться, когда вокруг все грохочет и над головой и по тебе летит со всех сторон, а диван, на котором можно разлечься. Желательно с пивом. Или чем покрепче. Потому что человек.

Заходивших «Барсов» срисовали еще на марше, потом доразведали на опушке. Грузившиеся в трехосный «Урал» (в народе — «крокодил») разведчики «Вихря», крайние из уходивших, увидев скученную на опушке леса технику сменщиков, побросали эрдешки со спальниками, оружие и сухпай в кузов и на полной скорости ломанулись в Геройское. Крикнув,

разумеется, приехавшим, чтоб те не толпились и загоряли технику под деревья. Но было поздно. По «Барсам» уже летело. Первые же прилеты 155-мм «трех топоров» пришлось по технике: полыхнул огненно-желтым и зачадил КамАЗ с личным составом. Следом сдетонировал крайний, стоявший, слава Богу, поодаль — с БК. Перевернулась от близкого разрыва посеченная осколками «буханка». Начался ад.

Разведчики и выезжавшие с ними на «буханке» военмеды успели отъехать не более чем на полкилометра. Сдав задом в ближайший к дороге лесок, «Урал» добровольцев остановился под соснами, бойцы высыпали и разбежались, залегли в тридцати-пятидесяти метрах от грузовика и друг от друга.

Ад, воцарившийся на их бывших позициях, царил и в эфире. В радешках звучали мат, стон и непрерывный крик: «Помогите! У нас “триста”! Помогите!..»

Жирав переглянулась с водителем санитарной «буханки» Добрым. Не говоря ни слова, они поднялись с земли.

У «Барсов» еще полыхало, но обстрел закончился, детонация тоже прекратилась — все, что могло взорваться, взорвалось. Остальное чадило, живое орало, мертвое остывало. Хохол бил «экскалитурами»: нельзя было так — без пристрелки, с первого же выстрела — обыкновенными осколочно-фугасными накрыть технику с людьми.

Значит, не пожалели дорогих, наводящихся по спутнику снарядов. Значит, очень, очень разозлились. Да и перед хозяевами нужно было хоть как-то оправдаться. За пластиковые мешки с генеральскими погонами внутри, отправленные военно-транспортными бортами за океан. На воинский мемориал в Арлингтоне.

Санитарная «буханка» добровольцев с ходу заскочила в чадившее и оравшее марево, как можно ближе: таскать трехсотых и грузить в машину было некому.

Загрузив двух тяжелых с ожогами и осколочными, Жирав с Добрым захлопнули задние дверцы, она нырнула в салон, он за руль, и машина рванула с места.

Времени у них совсем не было, обстрел мог возобновиться в любую минуту. Над пожарищем, как стервятники, кружили два вражеских дрона, снимая результаты своей человекоубийственной работы. У них могли быть и сбросы.

Проскочив Геройское, военмеды облегченно вздохнули. Казалось, что все позади. Лиля наложила турникет одному раненому, у которого была пробита нога в районе бедра и была большая кровопотеря, перебинтовала голову второму. Ожоги не трогала. Обоим через камуфляж вколола промедол. «Вот и спасаем ребяток... — наконец-то подумала она, до этого думать было некогда. — Значит, все это было не зря».

И тут же чуть не завалилась на раненого.

— Сука! — Добрый, оглядываясь, вдавил газ до упора, и «буханка» загнанно рванулась вверх и в сторону.

Уже виднелись домики на окраине Рыбальче. Водитель снова оглянулся, тогда уже и Лиля посмотрела туда, куда смотрел Добрый.

Сверкая маленькими лопастями, на огромной скорости к ним приближалась серая, все нарастающая точка. Она немного вихлялась из стороны в сторону, то ли повторяя изгибы дороги, то ли просто потому, что удерживать равновесие на такой скорости было трудно.

Широко раскрытыми глазами Лиля еще успела увидеть все четыре

работающие одновременно мотора по краям маленького хищного тельца, под которым был привязан желтым скотчем какой-то острый конус. После чего ее обожгла вспышка, она куда-то покатилась, ударяясь головой и всем телом о сиденья, крышу, ящики в салоне машины, и все погасло...

— Девочка моя, как ты? — над нею стоял Седой и сжимал ее голову в своих руках. Она видела только наплывающее любимое лицо, чувствовала его сильные ладони — и все.

Ни себя, ни своих рук, ни своих ног она не ощущала. Боль и тяжесть поломанного тела придут потом. А пока она просто плыла, поддерживаемая руками командира.

— Ну что, ожог правой руки — наверно, она закрылась ею от взрыва, — множественные ушибы ног, скорее всего, перелом нескольких ребер. Ну и сотрясение, думаю, — подытожил начмед отряда с позывным Небо.

— А в целом? — спросил командир, поворачиваясь к нему.

— В целом, два двести и два триста. Жаль Доброго, все-таки успел вывернуть «буханку» в последний момент. Коптер врезался в дорогу, а не в машину. Ну и второму раненому повезло, Жираф ему хорошо турникет поставила. Будет жить. А первый все...

— Еще раз скажи, что у нас?

— Да говорю же тебе: два двести и два триста!

— Три триста! — поправил Седой и наклонился над Лилей. — Все у нас с вами, дорогие мои трехсотые, теперь будет хорошо! Держитесь! — и поцеловал Лилю в живот.

Небо, ничего не понимая, хлопал глазами, но переспрашивать не рискнул.

